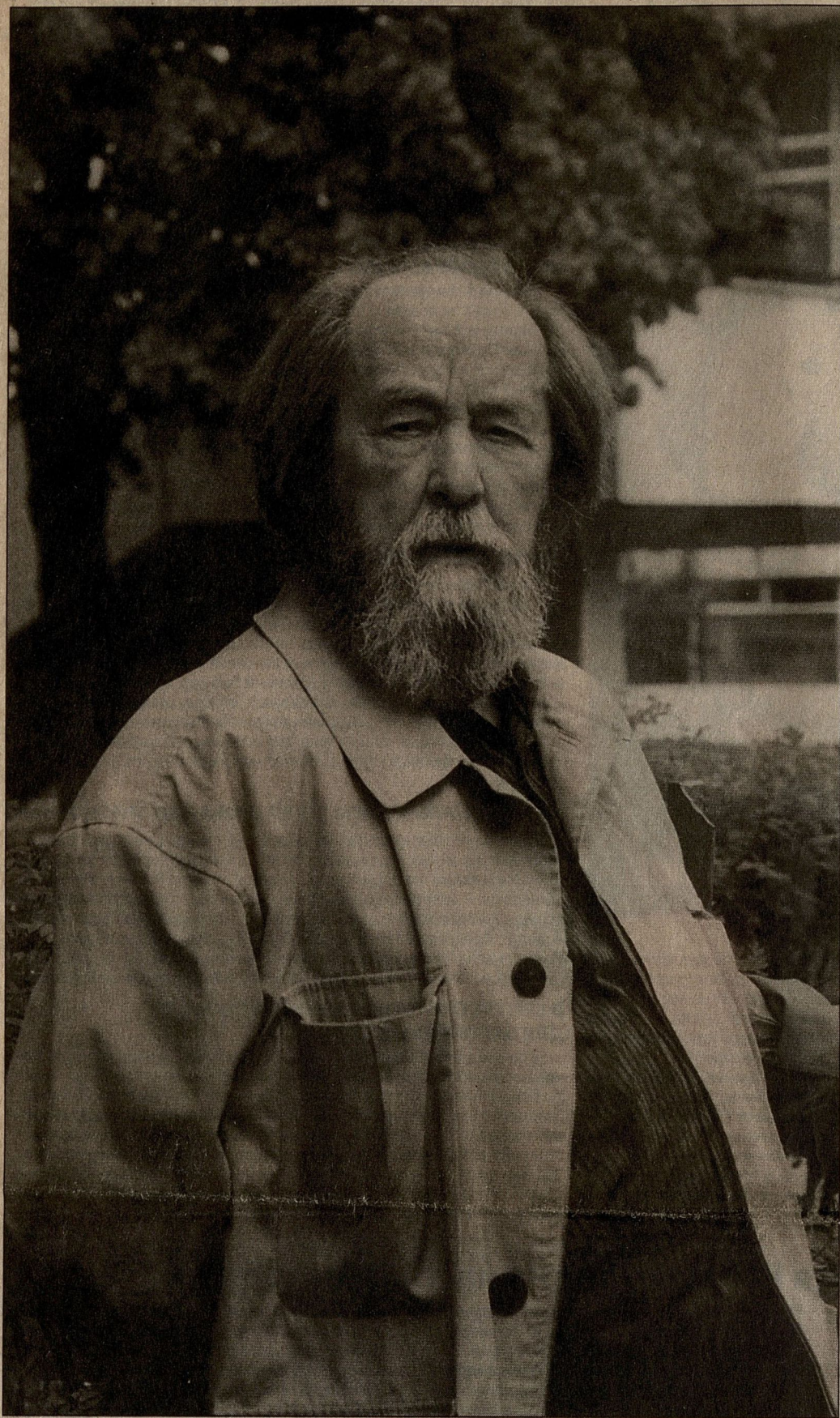

«Моя работа идёт плотно,

1998 г. Калужская область

Власть имеющий

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Главная проблема нашего бодрого времени — не экономика; с ней настоящие проблемы впереди. Не политика; какие могут быть проблемы с тем, чего нет. Не общественная жизнь; она скудна, и когда-то еще воспрянет. Главная проблема — в том, что страна в массе своей по-прежнему нуждается в тех, кто имеет внутреннее, не по должности, право говорить с ней авторитетно, как власть имеющий (не путать с властью имущим). Более того: и говорить не всегда обязательно, подчас достаточно весомо промолчать. Но людей таких в прежних поколениях по естественным причинам все меньше, голос их глуше и глуше, а сменщиков в новых поколениях что-то не видно. Даже значимо промолчать иной раз бывает некому.

В этом смысле Александр Солженицын — последний из могикан. Судьба словно специально задавалась целью выковать из него морального вождя и патриарха, сокрушителя коммунизма и носителя общенациональной культурной и политической традиции. Все было в кассу, все шло на пользу: ростовская юность, черноеземное средоточие русских энергий и полноценное участие в народной войне; лагерная шарашка и долгожданная свобода; неизлечимый рак и внезапное исцеление; встреча с Твардовским и новоявленный прорыв сквозь цензуру («Иваном Денисовичем»); неполучение Ленинской и получение Нобелевской премии; публицистический темперамент и способность к безвылазному кабинетному сидению; высылка в Европу, а оттуда — переезд в Америку и триумфальное возвращение в Россию; ясный ум и прежняя трудоспособность на девятом десятке.

Судьба позаботилась о том, чтобы в итоге образовался тип личности, свободной от контекстов и подтекстов, самодостаточной и в известном смысле самодержавной; личности, важной для современности и будущего страны вне и помимо конкретных писаний, суждений, высказываний. Когда-то было важно, чтобы Солженицын высказался, обратился с открытым письмом — то ли к съезду писателей, то ли к вождям, то ли к Патриарху; теперь даже это не имеет существенного значения. Солженицын может месяцами молчать, уклоняться от общения с публикой, вообще не давать интервью, не комментировать происходящее, но само сознание того, что человек подобного масштаба здесь, рядом, — очень многое меняет в генетическом составе нашего времени.

Собственно, это и есть авторитет; не в нынешнем, уголовном смысле слова, а в естественном, изначальном и единственно правильном. Носитель такого личностного опыта и «создатель» такой жизненной стратегии, которая задает предельно высокую планку и позволяет оценить реальный смысл происходящего.

Даже тот, кто скептически отнесся к «Красному Колесу» (а точнее, просто поленился прочесть многотомное романное исследование целиком); — кто с порога отвергает принципы нового государственного устройства посткоммунистиче-

ской России, изложенные в трактате «Как нам обустроить Россию» (а на самом деле давно этот трактат не перелистывал и не в состоянии оценить, сколь многое из предупреждений Солженицына сбылось);

— кто на дух не принял последнее по времени двухтомное солженицынское исследование «Евреи и Россия» (вчитав в неоднородный, не всегда энциклопедически безупречный, неполный, но свободный и вполне гуманистический текст начисто отсутствующие в нем антисемитские мотивы); — кому чужды солженицынские инвективы по адресу новой, буржуазной, «чужбисовской» России и его не в меру субъективные литературные оценки, выставляемые писателям XX века, как двойки в школьный дневник;

— кто ясно сознает, что новое поколение россиян будет читать и перечитывать «Один день» и «Матренин двор», но уже на «Архипелаге ГУЛАГ» многие надорвутся, а литературно-критических его статей люди моложе тридцати просто не раскроют;

даже тот не сможет отрицать одного существенного обстоятельства. А именно: вклад Солженицына в русскую культуру текстами не ограничивается, к ним не сводится, а может, страшно сказать, не только ими в конечном счете и обеспечивается. Главный вклад Солженицына в русскую культуру — это он сам. Это легенда о нем. Это имя, звучащее как пароль.

Перед самым затмением, перед самым закатом, перед наступлением советской ночи Владимир Ходасевич сказал: все мы будем в наступающей мгле аукаться именем Пушкина. Не думаю, что кто-нибудь и когда-нибудь станет аукаться именем Солженицына. И не с Пушкиным его нужно сравнивать. Скорее с поздним Толстым. Не по взглядам, нет; по социальной роли. Кто сегодня (кроме специалистов) перечитывает трактаты Толстого? Кто (кроме филологов) детально анализирует его историософские построения? А достаточно произности имя: Толстой — как сразу отцентрируется, сфокусируется все русское культурное пространство, вся новейшая история страны обретет цельность и ясность; говоришь — Толстой, и тут же понятно, от какой печки дальше плясать, в какую сторону двигаться, какой масштаб на карте задавать. То же и Солженицын. Недаром в свое время премьер Израйла Шимон Перес по приезде в Москву посетил первым делом два «объекта»: Дом-музей Толстого и Александра Солженицына. А после этого двинул на переговоры к Путину.

Все мельчает. Мельчает политика, и российская, и мировая; не то что наполеоновские фигуры, даже людей уровня Черчилля и Тэтчер не видеть. Мельчает экономика; ни философического Филиппа, ни злобного Форда, ни Рябушинского с Третьяковым что-то не видеть. Место мощных людей заняли мощные структуры. Корпорации, партии, коалиции. Но мельчает и культура, где никаких «структур» нет и быть не может. Поэтому спасибо Солженицыну. В частности за то, что — по слову Гете — имеет мужество жить долго. В этом тоже одно из его социальных призваний.

Наталья СОЛЖЕНИЦЫНА:

Дневник был собеседником, с которым он делил мучительность поисков и радость находок

«Известия» предлагают читателям отрывки из никогда прежде не публиковавшегося «Дневника Р-17» Александра Солженицына. Передавая редакции этот текст, супруга писателя Наталья СОЛЖЕНИЦЫНА рассказала:

«Дневник Р-17» тридцать лет сопровождал работу автора над романом о революции 1917 года («Красное Колесо»). Александр Исаевич вел его от самых первых поисков, соображений (с 1960 года) — и сквозь всю работу, до ее окончания (1991). Он как бы разговаривал, советовался с дневником — в оценке источников, достоверности личных свидетельств, мемуаров, газетных сообщений; в сомнениях о выборе художественных средств и оправдании избранных приемов повествования; судил об успешности или неуспешности отдельных глав, последовательности редакций текста, размышлял о нужности новых добавлений или причин отказа от них. Дневник был собеседником, с которым он делил мучительность поисков и радость находок, — собеседником страстным, взыскательным и необходимым.

Ноябрь 1962 г. Номер «Нового мира» с повестью «Один день Ивана Денисовича» через несколько дней выйдет из печати

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Из «Дневника Р-17»

Дневник романа о Революции Семнадцатого года. Вёлся с 1960 по 1991

1974

16 апреля, третий день Пасхи

Сегодня ко мне в Цюрих пришёл и этот дневник вместе со спасённым романом (впрочем, роман был дублирован плёнкой, не пропал бы). И эту праздничную записку делаю в старой тетрадке на новом месте, на мансарде, в «ле-

нинском» городе. Не пустой символ, что вытягивать роман дальше буду в Цюрихе.

Тепло и радостно ощущать пальцами любимую бумагу. Запишем, а когда-нибудь и поведаем, как же это всё протекало через железный занавес. (Солженицын был выслан из СССР 13 февраля 1974-го, а весь его архив был вывезен доброжелателями — тайно, в несколько приёмов в течение 1974 года. — Ред.)

— Не зря, не зря я в конце года подводил все итоги, «Телёнка» кончал. Действительно трянуло. Действительно перелом.

13 мая

Счастье архива, вновь собираемого: разными подпольными путями приходят из России материалы, заготовки, книги — и всё ныряет в старые конверты, папки (чему нет старой оболочки — как чудное, не привыкнуть). Сегодня 3 месяца, как я всё «пересаживаюсь». Пора писать по-серьёзному. Да до романа (прерванного 28 октября в Рождестве) ещё далеко: набралось других дописок и доделок на несколько месяцев...

8 августа

Июнь и июль ушли на «Телёнку». Работаю хорошо, а до романа не добрался. Сейчас охнул в ленинские материалы — так много их (да ещё на немецком), что и через них не пробиться сразу.

24 августа

Сегодня раскрыл общий план 2-го узла, подготовленные заметки о 3-й редакции — и ужаснулся с болью: я так от 2-го узла отвык, отстал, как будто писал его в другой дальней жизни или вообще не я. Такого огромного перерыва в работе над романом у меня никогда не бывало. Приступлю — как заново, но — когда приступлю? Ещё так много артергардных боёв, ног не выпянешь, и публикаторской работы, и неизбежных европейских встреч. Было время — рвало меня сердце в политику, по сути и сейчас рвёт и много раз ещё утнет, — а все ж какое-то внутреннее благообразное опоминанье происходит во мне: как бы мне вернуться целиком в литературу? зачем я себя истрачиваю на низшем уровне, на публицистике, доступной каждому болтуну? Почему не спешу, пока длил Бог жизнь, восстанавливать, восстанавливать истинную нашу историю, уберечь её от поверхностных мальчишеских суждений?..

25 августа

Сегодня прекрасно нащупался узелочек, как Ленин сам подстроил, организовал отъезд через Германию, пустив дезинформацию, что это готовили Мартов, Гримм, кто хочешь, только не он. Событие хорошо стягивается к 18 марта ст.ст. — и так можно будет кончить Узел III — по моему принципу — не размазывать того, что общеполитическое: отъезд и т.д. Всегда важно скрытое решение события, а не внешнее проворачивание его. Для отъезда пришлось бы удлинить Узел на 6 дней — вряд ли нужно, заменю календарём.

26 августа

Ленинский переезд через Германию как мост перекинул меня в 4-й узел и первым реальным входом втянул туда. И вот — первый Календарь Революции составляю.

29 августа

Сейчас обнаружил, что дважды (независимо) делаю одно и то же построение-предположение: что Ленин, инерционно увлечённый своими важными делами, один раз пропускает, не замечает мировую войну, другой раз — Февральскую революцию (не сразу приемлет). Думаю, что это — вполне верно (сужу, как он в Поронине влип).

30 августа

В ленинских главах впервые встречаюсь с языковой задачей, противоположной моей обычной: надо тщательно убирать даже из авторской речи (чтоб не создать неверного фона, языковой фон всегда должен соответствовать духу персонажа) всё сколько-нибудь своеобразное, русское, яркое, объёмное: надо выплывать, высушивать речь — и только так приблизиться к реальной ленинской...

13 сентября

Не расхлебать бесконечных нагромождений и уплотнений, которые создались из-за того, что я пропустил узел «Август Пятнадцатого». Вот и Циммервальдская конференция как раз туда ложи-

лась. Даже теперь, когда «Октябрь 16-го» почти готов, — всё снова и снова поднимает меня соблазн: а не пересмотреть? а не построить хоть теперь этот Узел? Страшно — потеря времени, вновь и вновь читать источники, перестраивать многие главы в «Октябре 16-го», а то бы сделал...

Нет, что упущено, то упущено, к этому вернуться уже не по силам. А ретроспекцию с Лениным надо нагнать ещё одной (третьей!) главой во втором Узле: Германия — Парвус — тайные связи.

При трёх главах можно дать Ленина в трёх тональностях: с кель-клубом — юмористической, в Упадке — лирической, в подпольных связях — зловещей.

Глава «Кель-клуб» ляжет как прыщ на рабоче-крестьянских главах. Никакой связи с Россией — ни чувством, ни мыслью, ни почтой. Даже русскому мотиву, русской теме в этой главе неоткуда возникнуть.

14 сентября

По сути, я впервые за роман нахожусь в Цюрихе в таком положении, что живу и пишу в том месте, где происходит действие (и даже — в нужные месяцы можно проверить погоду — октябрь и март). Это особенно удачно для таких «мозговых» глав, как ленинские.

20 сентября

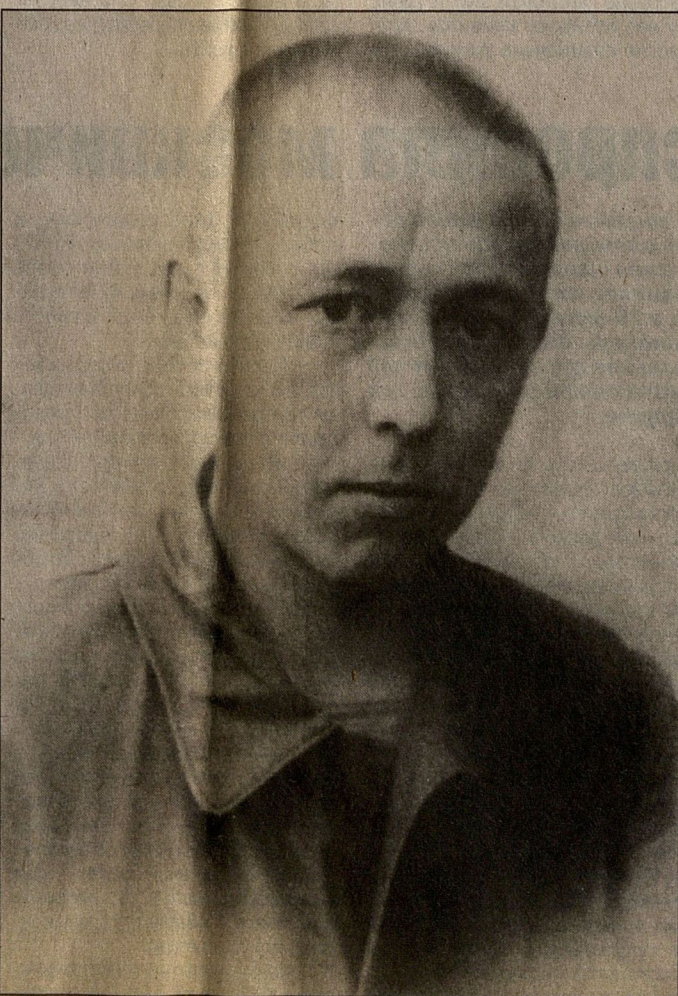
Сегодня окольным долгим путём дошёл последний кусок архива — а именно всё ленинское. Итак, дал Бог пройти это годовое испытание. Пошли теперь силы писать Узлы! Как уйти, уйти из общественной деятельности?!

21 сентября

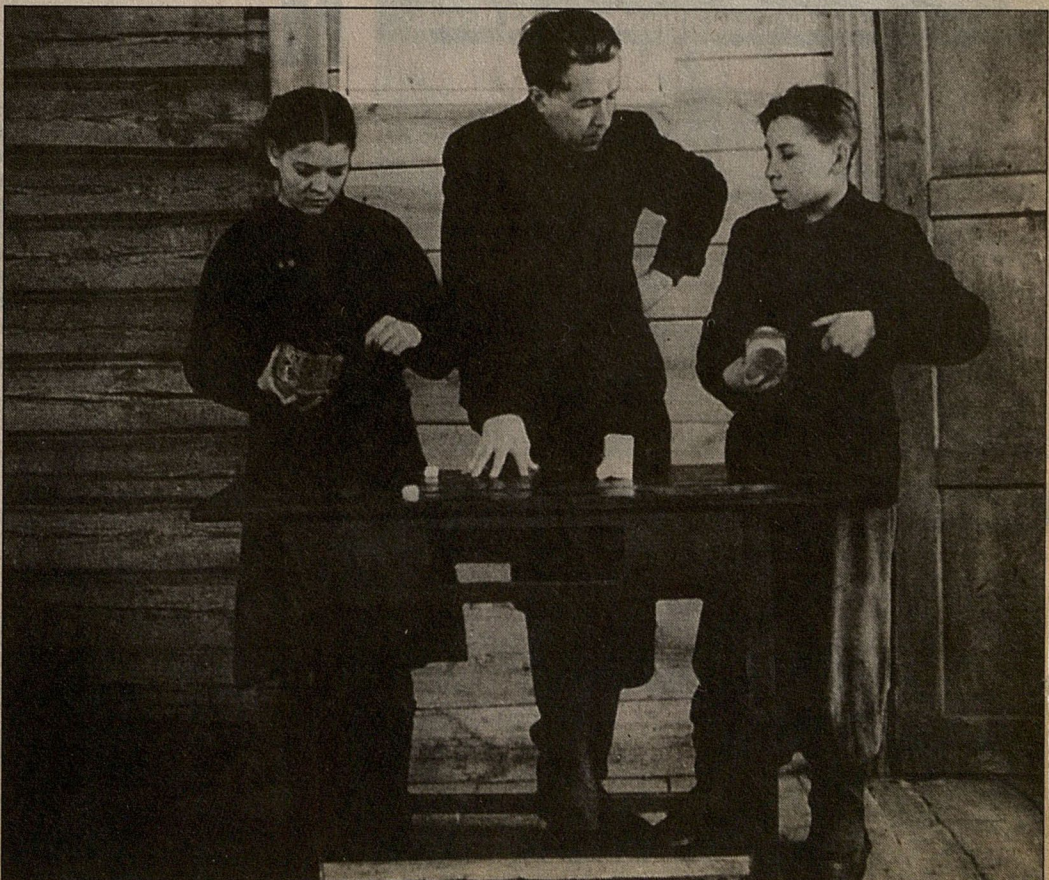
Состав и расположение ленинских глав во 2-м узле совершенно ясны. Но как исполнить их? В своей трактовке Ленина — уверен, и материала собралось — премного, и локальный швейцарский. Но как исполнить? — каждую главу по-разному и не скучно? Бродят мысли о какой-то совсем новой форме для «Кель-клуба»: истериче-

1943 г. Брянский фронт. Старший лейтенант Александр Солженицын

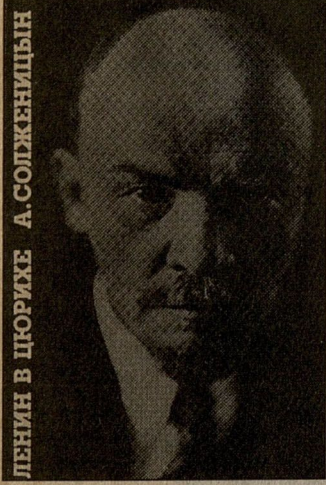
Июнь 1946 г. Москва. Зек Солженицын на строительстве дома у Калужской заставы

1956–1957 гг. Школа в поселке Мезиновском Владимирской области. Александр Солженицын — учитель математики и физики. 11 декабря 2003 г. в этой школе открывается класс-музей писателя

уверенно и знаю куда»

Обложка книги Александра Солженицына «Ленин в Цюрихе», выпущенной в 1975 году издательством YMCA-PRESS в Париже

«Поднимаю глаза: на близкой низкой стене прямо против меня — портрет Ленина! — да какой: тот, мой избранный для книги, — самый страшный и выразительный, где он и дьявольски умен, и безмерно зол, и приговоренный преступник. Три недели он висел у меня на стене в горах, с ненавистью и страхом следил за моей работой».

скую цепь фрагментарных коротких абзацев, перебивчивость их. Пересечения мыслей и доводов — то прямая речь, то косвенная. Диспут — протокольно. Бесвязно проговариваются безликие избитые социалистические формулы. Отвратительный бледный сухой язык. Если это всё бы совместить — будет остро, ново.

26 сентября

«Кегельный клуб». Трудность таких «многоголосых» глав: материал группируется не только по темам, частям сюжета — но и по методам изложения (мелодиям). Из этой перекрестной систематизации постепенно вытекает глава. Очень много разного сразу держать в голове и увязывать. В каждой мелодии — своё эшелонирование материала, — и все зависят друг от друга...

23 ноября

Как же я отвлечён и закручен — вместо августа, в крайнем случае сентября, — кончил первую редакцию ленинских глав 2-го и 3-го узлов только сегодня. Надо было Сборник [«Из-под глыб»] выдвинуть. А кроме кип писем — так и рвутся все в Цюрих, изгибают свои маршруты и требуют часа — меня повидать. Если я из центра Европы не уберусь в глушь — не будет моей книги.

26 ноября

В тяжкие минуты: верностью этой теме я только и проявляю верность своему детству и своему назначению. Сколько б ни делал я ошибок в жизни, но в этом — не ошибаюсь, здесь — омываюсь душой...

29 ноября

Только сегодня после многих лет (пяти, от исключения из СП) смог соединить вместе, иметь воедино перед собой всё собранное о Ленине: ведь разрозненно хранил его, и всё не дома. При всех неприятных чертах западной жизни — как же это свободно и счастливо, что не ждёшь налёта и ареста!

1975

25 января

Какой суетный год (на Западе) — сколько отвлечений, лишнего и непривычного. Вся эта волна сочувствия, письма и встречи, только отбирала время и силы. И вся необычность западных дел и отношений...

Через год после высылки я от романа дальше, чем был, и как буд-

то не продвинулся, а назад ушёл. Дальше так жить нельзя, из Европы надо уезжать, и в глушь. Надо выключиться из современности, одно спасение, иначе ни я и никто уже этого повествования не напишет.

Сейчас приехал на 2 недели в Штерненберг, продвинул ленинские главы. Наконец — слышен ветер, дождевые капли, клубится туманцем сырая горная чаша, — и сразу распрямляется, освобождается душа, просто по минутам.

30 января

Я никакой не новатор, я даже не люблю быть новатором. Но когда условия прижимают — надо исхитриться и что-то выдумывать. Парвус! — колоссальная тема, огромной важности человек, а где и когда я могу его описать, кроме единственного моего 2-го узла? Но тогда надо бы его притащить в Цюрих на встречу с Лениным, — однако такой встречи в этом месяце и году не было, и я подорвал доверие к достоверности моего исторического рассказа. Написать бы обзорную главу о нём? — так и без того в Узле уже их шесть огромных.

И вот решение: сделать полуфантастический наплыв. Ленин принимает Скларца, посланника от Парвуса, а всё время видит в нём Парвуса, и должно, перебиваясь, пройти три их спора: спор жизненного выбора; спор прошлогодней встречи в Берне; и — сегодняшний. И во всё это ещё втиснуть и биографию Парвуса. Как вот это может утешить?

4 февраля

Вот когда начинаю ощущать, что в передаче Ленина я взял высоту! Не любительская работа, нет.

7 февраля

И всё-таки, Ленин был — лёгок, это не трудность, гордиться тут особенно нечем. Неизмеримо труднее будет показ реальных масс исчезнувшей России: при каких обстоятельствах, как именно — эти отравленные семена повели их на самоуничтожение?..

13 февраля

С главой Парвус—Ленин получается парадоксально: фантастическая глава в строго-историчес-

ком романе? может ли это быть? не бессмыслица? Думаю, нет, ибо это только фантастический приём для выявления несомненной исторической истины. Фантастичность самая умеренная, функциональная. В конце концов, это недалеко от приема сна (рядом — в главе «Шляпников»), но — и не сон, не должно быть понято как сон: слишком чёткие факты, доводы, теория.

Так, чтобы читатель понял: я совсем не мистифицирую его, встречи конечно не было, но я даю диалог из реально накопившихся взаимных мыслей. Выясню соотношение личности.

27 февраля

В горном домике в Sternenberg'e на деревянную стенку навесил несколько портретов Ильича, чтоб обозримее видеть сразу все при работе, схватывать нужные черты, а получилось — как в сельской избе-читальне, потеха. Но вот третий день изо всех портретов выделяется одна потрясающая фототрафия: сколько зла, пронизательности и силы. В и д и т мой замысел — и не может (не может ли?) ему помешать. Посмертная попытка ему — а мне земное соревнование.

— (после прогулки по горам лунной ночью) Расстраиваюсь, что медленно работа идёт. А потом думаю: а умер бы в 1954? а арестовали бы в 1965 да закатали бы на десяток? Что бы был я, что бы сделал? Ничто. Бога благодарить.

2 марта

Получилось три главы воображаемой встречи Парвус—Ленин. Материала — изобилие, и кажется мне: это действительно один из важнейших ключей к пониманию нашей революции, обойти нельзя, сокращать нельзя. Как ни вычерпывай Парвуса — он остаётся загадкой. Он, конечно, гораздо больше, чем искренний социалист: он — несравненный ненавистник России.

Но — фантастическая форма диалога и перебивчивость, которыми я хотел скрыть свою насильственную ретроспекцию (1915-й впирается в 1916-й) — не удалась, просто — по моей любви к после-

дователю порядку. Фантастика свелась к лёгким декорациям, которые автор ненастойчиво ставит и убирает на виду у зрителя, улыбаясь, что иначе не мог устроить диалога.

Если что страшное получится — оно должно быть в сути диалога.

8 марта

Добавление нескольких концентрированных глав (6 ленинских вместо прежней одной) не могло не привести к ломке композиции Узла. Им надо было место найти и раздвинуть, и дать простор. Сперва никакого не находилось, только перемежать с Тягомотиной — но совсем недостойно, не взаимодействовали, и придавалось повышенное значение Тягомотине. Аля верно сказала: надо дать соседство с очень русскими главами. А таких здесь почти нет близко, только Саня с Котей. Но тогда слишком приближалось к Шляпникову, а эти вершины должны быть раздвинуты и видятся каждая отдельно. Ещё предложила Аля: так перенеси и санины главы. Я уж как-то не решился, так считал композицию законченной. Стал перетаскивать, и после нескольких перестановок всё легло изумительно: Инесса + Уладок (бывшая одна глава Уладок, единственная изначальная) вернулись как раз на своё прежнее исконное место, которое они потеряли из-за появления «Кегель-клуба», — и даже на своё первоначально задуманное число — 25 октября, т.е. пред-годовщину переворота. И — на ночь переворота 25/26 даётся весь дьявольский дует Парвусом.

— Сегодня кончается 6-й год моей работы.

14 марта

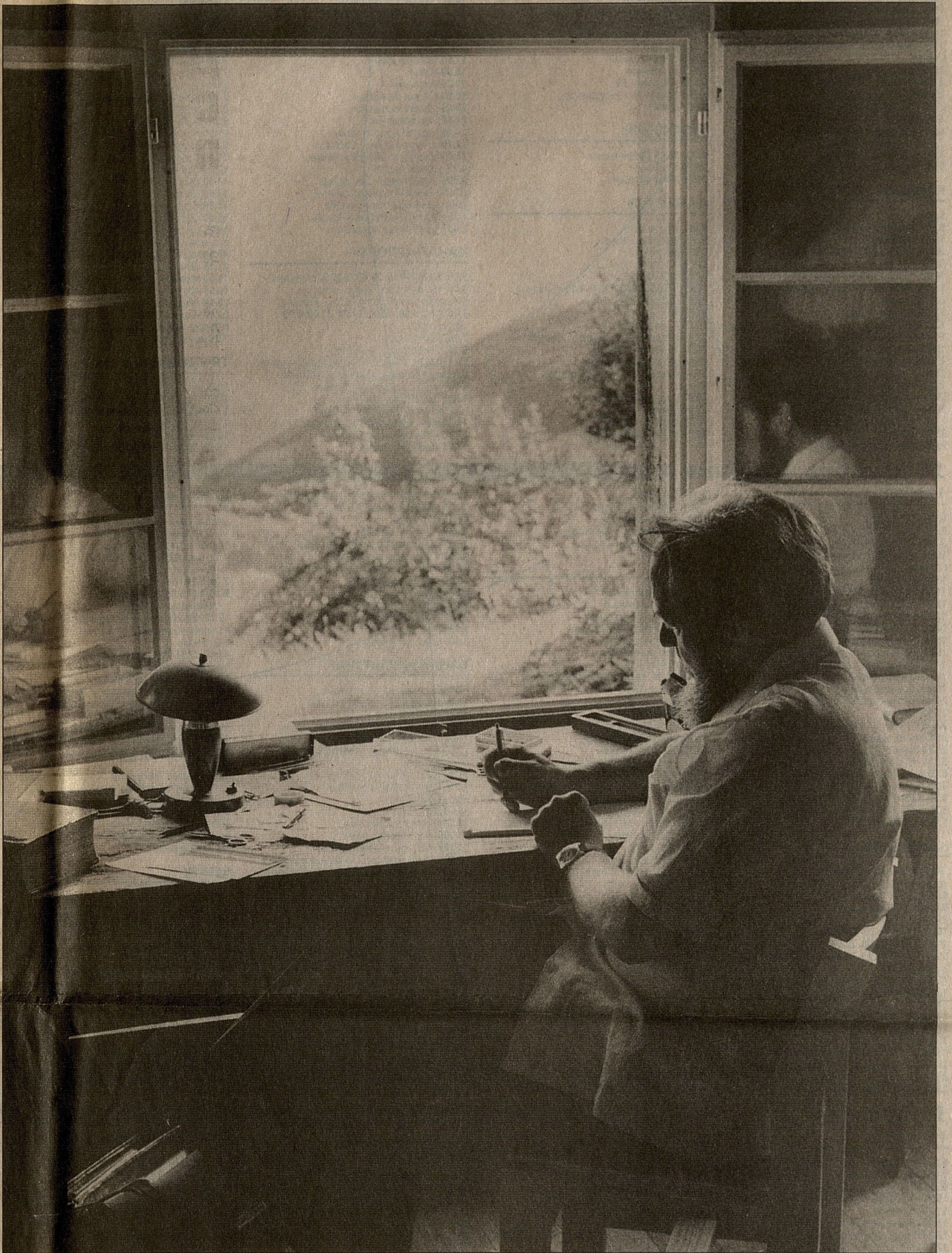
Ну, кончил ленинские главы, вот когда наконец! Получилось 11 штук — из-за того так много, что «встреча» Ленин—Парвус из одной главы раздробилась в четыре. Это вызывает сомнения. Однако если учесть, что я туда втиснул: ещё одну ретроспекцию 1905 г., Парвуса со всей его линией, истинную встречу 1915 г., все связи и не-связи Ленина с немцами, — то, пожалуй, с этой задачей я справился вполне удовлетворительно: нет чисто-обзорных глав, создал прямые соотношения характеров и речи.

Зато остальные главы в книге — по-моему, хороши. И книга — должна произвести впечатление, если что-нибудь ещё может задержать впечатление рассеянного и ослабленного Запада, идущего к гибели.

Вот чувство: моя работа идёт плотно, уверенно и знаю куда — а вокруг рушится мир. Как ветры разных направлений на разной высоте. По-настоящему сработали бы мои книги — только в России, — да сколько одиночек их там прочтёт?..

17 марта

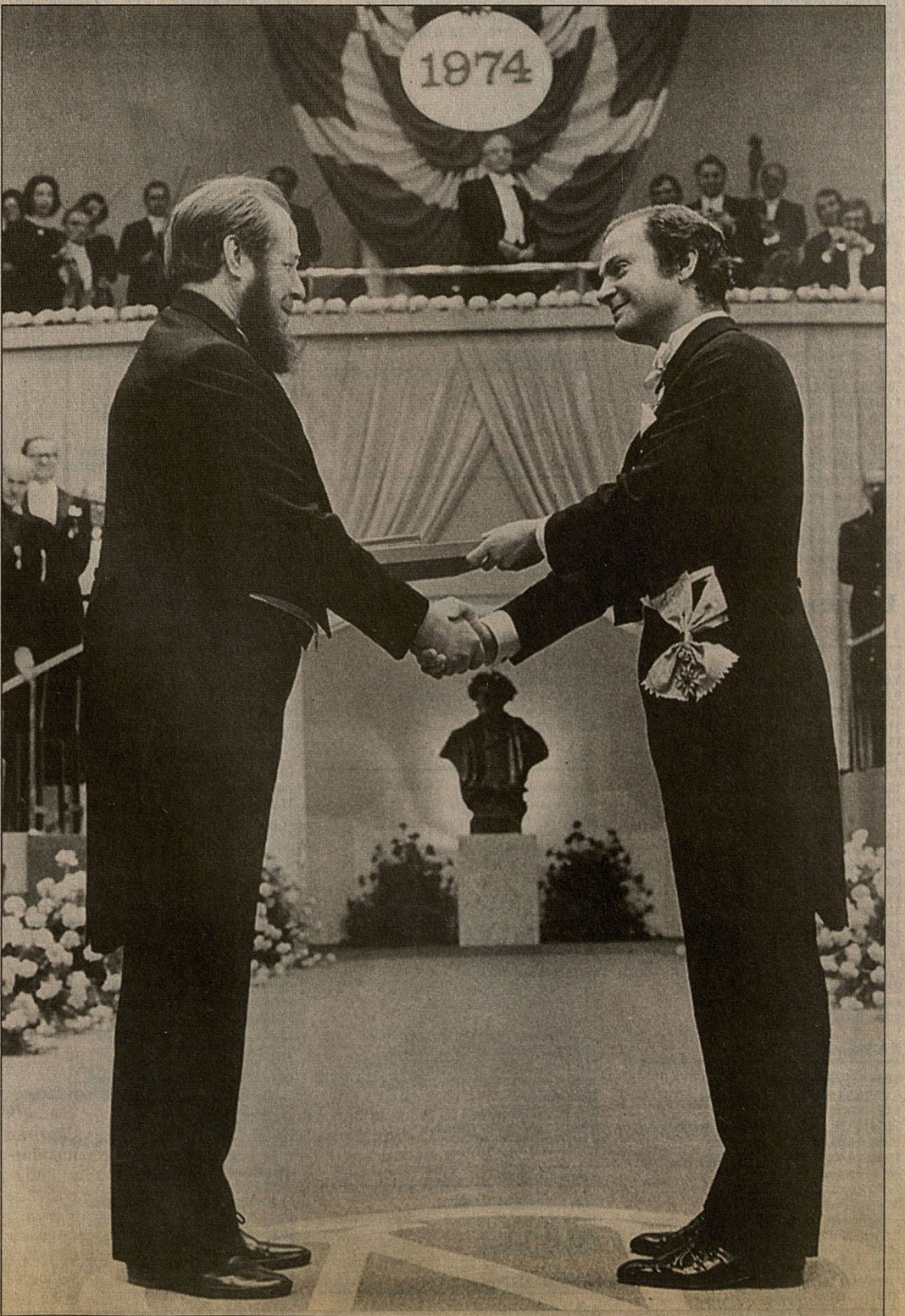
Сегодня удивительное совпадение: окончив работу по Ленину с такой большой помощью Sozial Archiv'a, я в нашу прощальную (они не знают, что я в Канаду уезжаю) встречу пригласил их погостить в ресторане Eintracht — не какой другой, символично ведь! Был молодой Платтен (накануне того как в больницу лечь; он вообще несчастный и очень честный, — надо поражаюсь добросовестности, с которой он раскрывает участие отца в ленинских махинациях), чех д-р Тучек и Willi Gauchi, автор книги, которую я всю прочёл и широко использовал. Но Eintracht оказался заперт. Пошли в «Чёрного орла» мимо Stüssihof'a — т.е. главными тропами Кегель-клуба. Заперт и «Чёрный орёл»! Тогда я предложил «Белого лебедя», помня, что, кажется, Ленин бывал и там. Вхо-

Июнь 1974 г. Швейцария, нагорье Цюриха, Штерненберг. Александр Солженицын возобновил работу над романом «Красное Колесо»

дим — пошли наудачу за дальнейший свободный стол. Так же произвольно расселись. Поднимаю глаза: на близкой низкой стене прямо против меня — портрет Ленина! — да какой: тот, мой избранный для книги, — самый страшный и выразительный, где он и дьявольски умен и безмерно зол и приговоренный преступник. Три недели он висел у меня на стене в горах, с ненавистью и страхом следил за моей работой. И вот — здесь, разве не символ?.. И юный Платтен рядом!.. Оказывается (но умысла не было, ведь вёл я) — именно здесь было второе (подсобное) место встреч Кегель-клуба. Мы отпраздновали мою книгу на этом самом месте!

Выходим. Девушка даёт мне расписаться в книге почётных посетителей. Там, чуть раньше, по-русски: «С удовольствием посидели в этом уютном милом ресторанчике. Группа советских туристов».

Декабрь 1974 г. Стокгольм. Нобелевскую премию по литературе за 1970 г. король Швеции вручил Александру Солженицыну лишь в 1974-м, когда писателя выслали из СССР

1958 г. Рязань, Касимовский переулоч. За этим самодельным столиком был написан «Один день Ивана Денисовича»

Декабрь 1971 г. Мария Илларионовна Твардовская и Александр Солженицын на похоронах Александра Твардовского